семинар, приезжайте в город Орел. Да какой Орел? да какие четыре дня? - я работаю. Они говорят, ну, значит, и работайте. Я разгребла все обстоятельства своей жизни, ребенка, уже не помню, кому пристроила. Собаку пристроила к папе на дачу. И поехала в город Орел на четыре дня, не зная, ни куда я еду, ни к кому я еду, вообще ничего не зная. Получилось, конечно, совершенно замечательная вещь, потому что того заряда... Я так поменяла положение точки сборки тогда! - совершенно просто. Все, что я там увидела, абсолютно противоречило всей моей предыдущей жизни. Все принципы, которые исповедывали даосы, мне человеку, созревшему в европейской парадигме, были настолько странны, непонятны. Но, тем не менее, просто заниматься этим было таким счастьем - я первые года полтора-два по нескольку часов этим занималась. Когда в моей жизни произошли события, я наполнилась совершенно другой энергией, я поменялась сама. И многое вокруг поменялось. Так вот, когда я освоила первую форму, то я подумала, почему, почему до сих пор миллионы людей не занимаются этим? Едят валидол, ходят к врачам - почему просто не вставать утром и не махать руками и ногами? Просто становишься нормальным человеком после этого. Это известно много тысяч лет - почему не все этим занимаются? Я уже не занимаюсь год, потому что некогда, потому что просто невозможно.

– А почему ты думаешь о других людях? Это сострадание или по какой причине?

- У меня есть близкие. Я думаю о них сначала... Сначала я думаю о себе, потом о детях, потом о близких, а уже потом Организация Объединенных Наций. Наверно, это плохо.

– Почему плохо?

- Ну, может быть, я не созрела еще до того уровня. Я не подвижник.

– А ты хочешь быть подвижником?

- Я очень уважаю подвижников, которые живут ради кого-то. По-моему, это самая высокая миссия из всех.

– Вполне вероятно. Но мир так странно устроен, что на каждый плюс есть свой минус и наоборот.

- Ну, вот - я смотрю иногда на своих близких и думаю, что не мешало бы им заниматься тай-цзы.

– То есть, ты хочешь переделать мир?

- Нет, я не хочу переделать. Немножечко улучшить. И то, это невозможно, когда они сами этого не хотят.

– В твоих песнях выражается то, о чем ты говоришь сейчас?

- О, я думаю, если бы я выразила в своих песнях то, о чем мы говорим, то их бы никто не слушал. На самом деле это было бы так.

– Что же ты в них выражаешь?

- Я думаю, в основном, я сокращение нервных клеток выражаю.

– Нет, я не согласен, я их слышал, там не сокращение нервных клеток.

- Саш, на самом деле, это самое загадочное из всех материй, с которыми я сталкиваюсь. Вот эта вот штука, которая во мне сидит - она сидит все время. Я даже не знаю, как это называется. Пусть я могу полгода быть домохозяйкой, сидеть с ребенком, и вдруг в январе наступает день, когда у меня начинает играть в голове музыка. И начинают крутиться вместе с этой музыкой слова. Вдруг я слышу строчку, потом я понимаю, что сейчас на эту строчку, как на шампур нанижется весь текст. И ребенок в отчаянии кричит, он капризничает в этот день как никогда, он понимает, что я не с ним. А я не могу.

– Да, дети это чувствуют, точно.

- Абсолютно. Как собаки. И этот вот рубильник, он берет и вырубает все на фиг. Всю окружающую действительность - я остаюсь наедине с собой. Но повлиять на этот рубильник ты не можешь никак и никогда. Ни алкоголь, ни наркотики. Мне не помогают ни какие-то мантры, ни какие-то формы, ни медитации - вообще, ничего. Этим управлять невозможно. Можно только держать себя в готовности воспринять это, когда оно следующий раз придет. Единственное, что я могу сделать, это поддерживать себя в чистоте и порядке, чтобы этот провод не засорялся.

– А что такое в чистоте и порядке?

- Объясняю. Был такой исполнитель Игорь Сорин, царство ему небесное. Он пел в группе "Иванушки Интернейшнл" - очень популярной. Интересный такой, непростой был человек. Где-то за год до смерти он искал людей, чтобы заниматься совершенно другой музыкой. Он, вообще, собирался ехать в Тибет, садиться под дерево и искать просветление. При всем при этом он продолжал петь в группе. Типа я сейчас пою, заработаю денег, а потом поеду в Тибет, сяду под дерево и стану Буддой. Вот я в своей жизни поняла, что такого не бывает. Или ты поешь "тополиный пух, жара, июнь" и зарабатываешь деньги - или останавливаешь этот процесс. Нажимаешь на кнопку "стоп". Каждый из нас пропитывается тем, что вокруг него. Поэтому нужно очень тщательно окружать себя тем, что пропитывает. Начиная от друзей, кончая музыкой, обоями, стенками, штукатурками. Это я называю "держать себя в чистоте". Мне очень хочется быть популярной, но я понимаю, что если однажды спою песню "Ты целуй меня везде 18 мне уже"... Мне так противно это делать, потому что...

– Потому что нельзя.

- Потому что нельзя, на самом деле. Потому что искренне этим можно заниматься, если у тебя квадратная голова. Есть люди, которые искренне этим занимаются. Когда их спрашивают о творчестве, они искренне говорят: мы записали 18 песен, к примеру, таких же как "18 мне уже". Они искренне верят, что занимаются творчеством и все такое. На самом деле, в глубине души каждый про себя все знает. Они знают, что, просто, зарабатывают деньги. Они знают, что играют музыку для ног. У меня в жизни, на творческом пути, несколько компромиссов жизнь предлагала. Однажды предложила противного продюсера, с которым надо было переспать. Он обещал какой-то очень хороший контракт. Но он был такой противный - это просто невозможно.

– Это единственное, что тебя остановило?

- Или допустим еще один продюсер, который сказал: "Знаешь что, напиши 12 таких песен, как "Прощай оружие" и мы выпустим диск бооольшим тиражом - зачем ты пишешь это все для 500 продвинутых человек? Напиши хотя бы 12 песен, но чтоб повторялось через строчку в припеве: Прощай, оружие - ды-ды, ды-ды, прощай, оружие - бу-бу, бу-бу. Мне кажется, пойти на такие шаги означает запачкать тот провод, с которым все приходит. Потому что невозможно, как ершиком, это все очистить. Типа буду петь гадкие, противные песни ради денег, а потом стану просветленным. Не бывает такого. Или ты поешь гадкие песни, или ты...

– Всегда в чистоте провод держать нужно?

- Всегда есть какие-то разные пути. Выбирай что-то другое. Мы еще про вибрации не поговорили, такая тема...

– Сейчас будем про вибрации говорить. Часть вторая. Про вибрации. Что это за вибрации?

- У моего любимого Воннегута я прочитала в 14 лет про существа - гармониумы. Там один герой терпит кораблекрушение, оказывается в какой-то пещере. Там живут существа - гармониумы, которые питаются вибрациями. Он живет там, а они к нему ползут, прилипаются, светятся и балдеют, потому что он пульсирует. Но что такое вибрации я поняла много-много позже. И поняла, что каждый из нас является таким вот гармониумом, каждый из нас приемничек, который испускает и, соответственно, принимает вибрации какой-то определенной частоты. И тогда я поняла, что весь мир состоит из вибраций. Все, что люди говорят друг другу, может быть, не так важно, как те вибрации, которыми они обмениваются, когда говорят. Все необъяснимые симпатии и антипатии. Когда ты видишь человека и думаешь - уууу... А он просто вибрирует в противофазе и все. И тебе с ним некомфортно. И я поняла, что ко мне на концерты приходят люди, которые вибрируют в тех же частотах, что и я.

– Частота вибрации – неизменна. А что меняется?

- Может быть, изменилось мое самоощущение. В моей палитре добавилось цветов, которых не было раньше. Мне кажется, что на протяжении жизни я резко менялась несколько раз - я меняла свою парадигму отношения к жизни вообще.

– Как это отражалось в твоих песнях? Есть четко выраженные периоды творчества? Голубой период, розовый...

- Розовый у меня, конечно, был, да и голубой тоже был. Вообще, я однажды про себя поняла, что по психотипу - я голубой мальчик.

– Что такое "голубой мальчик". Пьеро или что?

- Голубой мальчик - это маленький такой педорастик - гей.

– Вот что!

- Периоды... слушай, как интересно. Нет, я всю жизнь пишу одни и те же 2 песни - быструю и медленную. Наверно, так. Наверно, просто меняются какие-то другие структуры личности, и обстоятельства жизни тоже меняются, соответственно этим внутренним изменениям. И, может, та штука, которая там внутри, которая продуцирует это все - может быть, она и не изменилась с тех пор, как я написала свою первую песню. Может быть, она такая и осталась. Потому что на нее я не могу повлиять.

– Что значит "пишу всего две песни, быструю и медленную"? Что это за жизнь такая, когда всю жизнь пишешь две песни?

- Ну, одна грустная, одна веселая. Одна о том, что все хорошо, другая о том, что все плохо. Дело в том, что я в 14-15 лет написала несколько таких песен, которые сейчас, если бы посадить со мной рядом гитариста и баяниста и сыграть их - было бы не стыдно. Они очень красивые, и в них уже все есть, в них все было. Теперь я, наверно, понимаю, почему всякие взрослые дядьки в КСП, которые меня тогда слышали, никогда не верили, что это я написала. Ребенок в 14-15 лет не может такое написать и не может такое понять.

– Они материалисты. Они исходят из того, что это – внутренний опыт человека и он как-то перерабатывается. Хотя, на самом деле – это, просто, всунутый провод.

- Да, это никакой не опыт, совершенно верно.

– А что, эти песни, которые ты писала в 14-15 лет, ты никогда не пела со сцены?

- Нет. Не пела, потому что... Не знаю, почему. На самом деле, они достойны того, чтобы из них сделать программу, или парочку из них включить в какую-то новую программу. Да, надо будет это сделать осенью. И никто не отличит, когда они написаны. А, может, и отличит. В них, может быть, была какая-то чистота, которой нет сейчас, что-то очень трогательное.

– Ты постоянно исследуешь мир. Помимо того, что в тебе провод, который включается периодически и вызывает волну музыки, стихов, образов – помимо этого ты внимательный человек, который все время исследует себя и окружающий мир. Что удалось накопать особо ценного?

- Что страдать не нужно - это раз. Что это порочная практика, что без этого можно обойтись. Что надо содержать себя в чистоте - это тоже очень важно. Вот я у Саши в интервью прочла о внутренней дисциплине. Сашка говорит о каких-то вещах - например, что перед концертом он не пьет. А у меня даже мысли никогда не было набраться перед концертом. Для меня это не является вопросом дисциплины.

– Может быть, ты более совершенная модель?

- Может быть, я более дисциплинированный человек... Сашка же рокер, он пришел из этого - перстни с черепами, черная кожа, черное знамя, анархия - мать порядка! А я пришла, все-таки, извините, с томиком Брюсова. И для меня вся моя жизнь - это постепенное опускание из состояния пяти сантиметров над землей, постепенное приближение. Года в 22 я, наконец, опустилась и впервые пошла ногами по земле... Ты так спрашиваешь... - ну, что я накопала?...

– У тебя есть три минуты перед отлетом навсегда в туманность Андромеды. Нужно что-то сказать человечеству. Ну, ты же можешь?

- Да, я могу. Я прочла бы стихотворение одно, которое я написала и которое никогда не стало песней, потому что это - стихотворение. Удивительно - я про него думала сегодня утром. Я думала про свой творческий вечер и хотела прочитать там стихи - впервые, я никогда их не читаю. Стихотворение такое:

Обнялись двое на причале
У отплывающей Земли,
И все молчали, все молчали,
И намолчаться не могли.
И в том молчаньи стали грубы
Слова - обычный мелкий сор,
И в том молчаньи только губы
Вели негласный разговор.
Покачиваясь у причала
Стояла круглая Земля,
И обреченность их сковала,
Как не сковали б сотни клятв.
И только каждый то мгновенье,
Не протестуя, длил и длил,
Не выйдя из повиновенья,
Слепому разуму светил.
И это названо любовью,
Что на пороге катастроф
Не ведает ни суесловья,
Ни суеты, ни просто слов.

Вот, это бы я сказала за эти три минуты, и полетела бы в туманность Андромеды. На самом деле, я иногда думаю... Бывает такая шальная мысль: вот когда я запишу все песни, которые я написала, тут же мне, наверно, и каюк придет. Потому что, очевидно, моя миссия на этой земле - какие-то вещи пережить и о них рассказать кому-то еще. Чтобы кому-то, может быть, было не так тяжело их потом переживать.

– Ты боишься смерти? Это удивительно. Не может быть.

- Нет, я не боюсь смерти. Мне неприятен сам процесс.

– Каюка не будет. Пиши, пиши!

- Хорошо! Я просто первый раз чуть не померла в 27 лет, в автокатастрофе. И когда потом я осталась жива, я оглянулась на свою жизнь и поняла, что я потратила такую огромную кучу времени так непродуктивно! От меня остался бы ребенок и пять записанных песен. И все. И я подумала - ай-яй-яй-яй-яй! надо что-то с этим делать. Надо как-то не тратить больше времени так вот... А все равно трачу. Не могу себе отказать в том, чтобы просто погулять по лесу, а не бежать, записывать сотнями.

– Разве это тратить время – погулять по лесу?

- Нет, это не тратить. Но понимаешь, если уж овеществлять свою жизнь, то, конечно, делать это так, как многие мои знакомые. Они живут, не выключая мобильного телефона, они всегда боятся пропустить важный звонок. Они делают хренову тучу всего, играют во всех спектаклях, снимаются во всех фильмах. А я, бывает, гуляю по лесу и думаю - какая я скотина, опять мобильник отключила, а мне, небось, какой-нибудь продюсер звонит.

– А я думаю, что ты молодец. Так что же получается – что такое настоящие дела? Гулять по лесу или бегать с мобильником?

- Мне кажется, что если какое-то дело наполняет человека... Даже если это очень трудное дело, но если он его закончил... Как в студии сидишь иногда, маешься, слушаешь пятьдесят восьмой дубль сведения одной и той же песни, ненавидишь уже ее. Но когда все закончилось, ты думаешь - как хорошо! Вот если такое дело тебя наполняет, то значит, оно и есть твое правильное дело. Неважно, бегаешь ли ты с мобильником - если это наполняет тебя сознанием того, что ты не зря живешь эту жизнь. Просто у всех эти дела разные.

– Самое важное – это чтобы тебя наполняло сознание, что ты не зря живешь? Самое важное – погружаться в иллюзию именно такого рода? Под иллюзией я понимаю любое, что может в мозгах происходить.

- Это не иллюзия, это не в мозгах. Ведь мы всегда про себя все очень хорошо знаем. Просто так называемый рассудок постоянно вмешивается, трындит что-то. А на самом деле - каждый про себя все прекрасно знает. И если я сижу, болтаю ногами в речке и чувствую себя человеком, который в данный момент реализует свое предназначение, мне хорошо.

– Мы постепенно подошли к вопросу – зачем человек? что он тут делает?

- Это мой сын Тема недавно говорит: "Ну, что за бред такой - наша жизнь? Ну, вот зачем ты училась в университете?"

– Сколько ему лет?

- Пятнадцать. "Зачем, - говорит, - ты училась, если ты все равно занимаешься совершенно другими вещами?" Я говорю: "Ты понимаешь, наверно, мне это как-то было нужно... "Вот как было бы хорошо, - говорит он, - если б ты родился и получил распечатку: вот, я, Тема Кортнев, родился чтобы жениться на Маше Орловой, поступить в архитектурный институт и построить такой-то мост через Москву-реку, обессмертить свое имя в веках. Вместо этого каждый из нас мается, мается, годам к сорока поймет, что ему на самом деле нужно..."

– Получить распечатку, если додумать эту мысль до конца, означает не родиться. Вот ты получил распечатку. Более жесткий вариант – к тебе привязаны веревки, тебя дергают туда, куда нужно.

- Да, или шланг такой к позвоночнику.

– Да. И тебя нет. Есть некая кукла, которая так управляется. При всей красоте и простоте Теминого построения, человек все-таки, наверное, обязан самостоятельно...

- Да. Понять, что он и зачем он.

– Я думаю, что это вопрос тебя интересует.

- Очень интересовал. Я так и не нашла никакого ответа. Но вот однажды я сидела в деревне Середнево, там течет речка Незнайка, совершенно буддистская речка. Вот я в нее опустила ноги и смотрела на стрекоз. Когда меня потом потрепали по плечу, оказалось, что прошло четыре часа. Я четыре часа сидела и смотрела на стрекоз и на речку, которая течет, и болтала ногами. Четыре часа. Я вообще не заметила, как они прошли. И я думаю, что это были одни из самых счастливых четырех часов в моей жизни. Счастливейшее время. Я не делала ничего, никакой провод не работал, никаких духовных ценностей я не производила, никого не воспитывала, ничего не овеществляла. Просто была. И в этот момент я как-то очень... Все равно все состоялось, и какие-то важные вещи происходили, и мне было безумно хорошо. И тогда я открыла такую вещь, что болтание ногами в речке Незнайке может быть таким же предназначением человека, как записывание альбомов, воспитание детей и все прочее. Это равноценные вещи, с точки зрения вечности. Как-то я не определилась еще с этим вопросом. Но у меня еще есть время, я надеюсь.

– Ну, я не думаю, что ты с ним определишься в оставшееся время. По причине того, что... Если кратко сказать, то наше предназначение здесь – определяться в этом вопросе. Высекая, таким образом, дополнительные искры понимания, или, как говорит Кастанеда, осознанности, которые, примерно по такому же проводу, по которому оттуда идут сюда, отсюда уходят туда. Как-то оно все странно, удивительно, чудесно и таинственно.

- Да. До какого-то момента я думала сначала про себя и свои отношения, потом про своих детей, потом про близких, потом про все остальное человечество. Я была некой вещью в себе, и все мое творчество, мои песни - это было выяснение своих отношений с небом.

– Выяснение своих отношений с небом? Обалдеть!

- Да, ну конечно. И вдруг, когда выяснилось, что кому-то рядом со мной это нужно, меня совершенно это перевернуло. Я не могу сказать, что я теперь как-то особо ответственно буду писать, или что-то такое. Но я вдруг почувствовала эту обратную связь. Что по этому проводу от меня куда-то что-то уходит. Это феноменальная вещь, это фантастическая вещь.

– Если вернуться к теме вибраций, причем не прямо, а чуть ли не вскользь – там очень крепкая связь. Так вот. Ира, ты, получается – представитель Бога на земле.

- Это очень ответственное заявление. Я бы не взяла на себя такую ответственность.

– Провод есть?

- Ну, провод есть у всех.

– А какая разница, у всех или не у всех?

- Каждый - представитель Бога на земле.

– Бог с ним, с каждым. У тебя есть – значит, ты представитель. Логично?

- Логично. Ну, я и веду себя соответственно.

– А как? Как подобает вести себя представителю Бога на земле?

- Я хорошо себя веду. На самом деле я никогда никому не делаю больно, особенно нарочно.

– И стрекозкам лапки не отрываешь?

- Ну, последний раз лет в восемь я кидалась в лягушек камнями в овраге. Было такое, но я не знаю, что-то меня перемкнуло как-то.

– А цветы рвешь?

- Нет, сажаю.

– А веточки на деревьях обламываешь?

Продолжение на стр. 16

полосу подготовил: **Клейн, pi@zen.ru**